

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2021.15.8.009

ОТ ПРОМЕТЕЯ К АМРАНУ: О ПРИКОВАННОМ ГЕРОЕ
В ОСЕТИНСКОМ ЭПОСЕ**Р.Н. Абисалова**

В статье рассмотрен один из мотивов осетинского Даредзановского эпоса – мотив прикованного героя, еще в древности вошедший в мифологию, фольклор, литературу многих народов и получивший название «мотив Прометей». Образ Прометей относится к «вечным образам» мировой художественной культуры. История прикования и освобождения Прометей и в древнегреческой мифологии, и в трагедии Эсхила позиционируется как топонимически привязанная к Кавказу. Именно здесь сюжет о наказанном Богом и прикованном богатыре получил распространение в национальных мифах и эпических преданиях – грузинских, осетинских, абхазских, вайнахских, армянских и др. Эти лаконичные предания об Амране-Амране, по мнению Вс.Ф. Миллера, – кульминационные во всех источниках, рассказывающих об этом герое. Рассмотрены как древнегреческий Прометей, так и кавказские, в первую очередь осетинские, прикованные герои, представленные в работах Вс.Ф. Миллера, Г.Н. Потанина, Дз. Гатуева, Д.А. Калоевой, З.Г. Тменовой, Ю.А. Дзиццоты, Х.Ф. Цгоева и др. Образ Амрана сравнивается с соответствующими ему героями кавказских эпосов. При всей схожести мотивов богоборчества и наказания героя прикованием к скале или столбу нельзя не отметить отличия осетинского Амрана от остальных. В Даредзановских сказаниях он героическая личность, истинный богатырь, совершающий множество подвигов, побеждающий великанов, помогающий всем нуждающимся. Сын племянницы Бога, герой близок к народу, он побеждает врагов не только ради демонстрации силы, ловкости, хитрости, но и для спасения родных и друзей. В отличие от большинства кавказских прикованных героев, освобождение Амрана не предвещает гибель мира, напротив, осетинский Амран, в случае освобождения, даст людям свободу и счастье. Многие мотивы в преданиях об Амране соотносятся с мотивами Нартовского эпоса. Амран-Амран приравнивается к любимым героям осетинской Нартиады – Сослану, Батразу, Урузмагу, Шатане. В работе его образ рассмотрен для подтверждения объективной закономерности подобной репрезентации осетинского героя.

Ключевые слова: Амран-Амран, мифология, эпос, предание, мотив, сюжет, сказание, Даредзановский эпос, Нартовский эпос, прикованный герой.

Фольклор как «совокупность различных видов и форм массового словесного художественного творчества, вошедшего в бытовую традицию ... народа» [1, 234] – наиболее основательный пласт мировой художественной культуры, ставший фундаментом для последующего формирования и развития всех видов художественного творчества, как словесного, так и изобразительного. Помимо существования фольклористики как самостоятельной гуманитарной науки, устное народное творчество функционирует в качестве вспомогательного инструмента в исследовании языка, истории, этнологии, археологии, антропологии и др. Значение фольклора не ограничивается его эстетической функцией, огромна его роль в предоставлении информации о древнейших периодах существования человечества. Произведения устного народного творчества, передававшиеся из уст в уста от поколения к поколению, нередко становятся единственными источниками знаний о фактах истории дописьменной эпохи. Что касается мировой литературы, ее возникновение и развитие обязано исключительно фольклору, кроме того, она и до настоящего времени видит в фольклоре источник знаний и образец народного восприятия и воспроизведения всех сторон социальной действительности.

Фольклор стал важным источником сюжетов и мотивов не только для мировой литературы, но и для всех видов художественного творчества. Это касается и мифологии, тесно связанной с фольклором, и всех жанров устного народного творчества – эпоса, сказки, легенды, песни, баллады, предания, притчи и др. К основным чертам фольклора относятся – устность, традиционность, народность, вариативность, сочетание слова с другими формами художественного творчества, контакт рассказчика со слушателями.

Одна из сложных проблем в исследовании мифологии и фольклора – их сходство и различие, а также взаимосвязь и взаимопроникновение. Не вдаваясь в подробное освещение этой проблемы, отметим, что «Мифотворчество – важнейшее явление в культурной истории человечества. В первобытном обществе ...это основной способ понимания мира. Миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания. Человеку с самых ранних времен приходилось осмысливать окружающий мир. Миф и выступает как наиболее ранняя, соответствующая древнему, особенно первобытному обществу форма мировосприятия, понимания мира и самого себя первобытным человеком» [2, 12]. Миф сыграл значительную роль в развитии литературы, особенно повествовательной, некоторые элементы драмы и лирики также восприняли элементы мифа через ритуалы, народные празднества, религиозные мистерии. Особенно важно для исследования фольклора то, что мифология сближается по жанру и по времени возникновения с такими формами словесного творчества, как сказка, героический эпос, исторические предания, легенды [3]. Влияние

мифологии на формирование национальных героических эпосов посредством образов культурных героев вполне очевидно. Это касается многих эпосов, в том числе Нартовского, Амираниани, армянского, бурятского, алтайского и мн. др. Мифологические следы просматриваются и в более поздних, «классических» эпосах, например, в Гомеровском. Древнейшие эпосы, не как род литературы, а как жанр фольклора, возникали в дописьменную эпоху в форме отдельных устных эпических сказаний или песен как реакция на какие-то события, войны, сражения, победы и поражения, подвиги героев, как воинские, так и культурного характера. М.М. Бахтин характеризует эпос как жанр тремя конститутивными чертами: 1) предметом эпопеи служит национальное эпическое прошлое, «абсолютное прошлое» по терминологии Гете и Шиллера; 2) источником эпопеи служит национальное предание (а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел); 3) эпический мир отделен от современности, то есть от времени певца (автора и его слушателей), абсолютной эпической дистанцией» [4, 204].

В мифологии и фольклористике распространено такое понятие, как «вечные образы». Как правило, это персонажи, имеющие общечеловеческое значение. Появившиеся в произведениях фольклорного и мифологического характера, они в последующие эпохи находят воплощение во всех жанрах и видах мировой художественной культуры. «Вечными образами» также становятся литературные герои. Прометей, Одиссей, Каин, Авель, Мефистофель, Фауст, Меджнун, Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан, Кармен – эти имена лишь часть из достаточно большого списка героев, ставших «вечными образами». Зачастую они характеризуются непреходящими, независящими от времени и национальной принадлежности чертами [5]. В ряду «вечных героев» обычно первым называют Прометея, героя древнегреческих мифов, получившего особую известность благодаря дошедшей до нас 1-й части трилогии афинского трагика Эсхила (ок. 525 – 456 гг. до н.э.) «Прикованный Прометей» [6]. В своем произведении Эсхил в значительной степени идеализирует и героизирует Прометея. Образ Прометея многозначен, он содержит в себе несколько мотивов – богоборчества, дарителя огня, т.е. культурного героя, защитника людей, наказания путем приковывания к горе или утесу. Имя Прометея переводится как «предвидящий», т.е. знающий будущее, именно эта способность становится источником трагических перипетий в судьбе героя. А.Ф. Лосев отмечает в образе Прометея черты древнего доолимпийского божества, коренящегося в балканском субстрате, покровителя местного автохтонного населения. В олимпийский период Прометей сохраняет черты благодетеля человека, культурного героя, не только давшего людям огонь, но и разум, научившего всем ремеслам и искусствам. В некоторых источниках он представлен как создатель людей по божественному подобию, т.е. «смотрящими в

небо», и потому покровительствующий им. «Классическая олимпийская мифология не может терпеть двух создателей человечества и носителей справедливости» [7, 337]. Потому противостояние Прометея и Зевса неизбежно. Для этого Прометею необходимо занять позицию мученика, приносящего себя в жертву ради людей. Имя Прометея неслучайно – он знает будущее, в том числе будущее свержение Зевса своими потомками. Отказ героя сообщить подробности этого свержения лишают Прометея возможности быть освобожденным, что обрекает его на долгие мучения – он прикован к горе на Кавказе и терзаем орлом, клюющим его печень, до тех пор, пока Геракл не освободил его, совершив свой 12-й подвиг. Известный венгерский писатель и знаток греческой и римской античности Л. Мештерхази в своей книге «Загадка Прометея» вслед за Эсхилом и всеми исследователями древнегреческой мифологии привязывает и наказание, и освобождение Прометея к Скифии и Кавказу: «...Освобождение Прометея случилось не по дороге в Скифию, а уже после победоносной войны, на обратном пути к дому (автор подразумевает победоносную для Геракла войну с амазонками – *P.A.*)», когда «они скорее могли позволить себе некоторый крюк, предприняв переход через Кавказский хребет» [8, 36]. Отнесенность наказания и освобождения Прометея к Кавказским горам, к кавказским пределам Скифии позволяет обратить внимание на распространенность мотива прикованного героя и попыткам его освобождения в мифах и фольклоре Кавказа и Закавказья. Практически у всех народов указанного региона эти мотивы представлены.

Выдающийся фольклорист, лингвист, этнограф и кавказовед Вс.Ф. Миллер сделал на Кавказе, особенно в Осетии, значительное количество фольклорных записей, в том числе относящихся к Даредзановским сказаниям. Этот кавказский эпос, его главный герой – Амиран (Амран) – представлен, иногда под другими именами, в фольклоре многих народов Кавказа и Закавказья. Вс.Ф. Миллеру принадлежат как записи сказаний о кавказском Прометее, так и работа о распространенном мотиве прикованного героя – «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам» [9, 826–837]. Вс. Миллер отмечает роль Кавказа в оформлении мифа о Прометее, в частности, той его части, которая касается наказания и освобождения героя. Всеволод Федорович указывает на источники этого сюжета, в том числе на свидетельства мифологов Аполлодора и Гигина, а также на трагедию Эсхила «Скованный Прометей», где драматург фиксирует «места в Азии, соседние со скифами и сарматами» [9, 826]. По Эсхилу определены границы пребывания Прометея на Кавказе: с юга – Колхида, с севера – Азовское море и Кавказские горы. У Гесиода в «Теогонии» нет указаний на географическую точку, зато у него Прометей привязан Зевсом к столбу, т.е. висел между небом и землей, и этот сюжет вполне контаминируется с вариантом поднятия Амирана (Амрана) на острие копья, встречающимся в некото-

рых сказаниях. Вс. Миллер полагает, что «убеждение греков, что Прометей был прикован где-то на Кавказе, должно необходимо иметь какое-нибудь основание» [9, 830], т.е. эти места, как считали греки, были каким-то образом связаны с мифом о прославленном герое. Далее автор указывает на целый ряд преданий о богатыре или великане, прикованном к горе, рассматривая кабардинские, осетинские, грузинские, абхазские, армянские, выявляя общее и индивидуальное в этих «бродячих» сюжетах. Кабардинский герой, прикованный к горе Эльборус (Эльбрус), стар и страшен. Он был приближен к богу Тха за благочестие, но решил свергнуть его, за что и был прикован цепями к скале на вечные времена. Богоборчество превращает его из благочестивого в одиозный персонаж, т.к. для освобождения страдальца необходимо уничтожение камыша и ягнят, которые в предании символизируют весь растительный и животный мир.

Осетинское предание об Амране (Амране) Вс.Ф. Миллер записал от Таймураза Хетагурова из Нарского общества. В нем Амран назван насильником, что представляется не совсем адекватным осетинскому «тых-ганга», что, возможно, ощутил и сам Вс. Миллер, поскольку в его «Осетинских этюдах» Амран-Амран назван притеснителем. Именно за воинственность «Бог его хитростью поймал и велел запереть в пещеру» [9, 827–828]. Заблудившийся в горах охотник пугается вида прикованного существа, т.к. глаза его «величиной с бычьей хомуты». Попытки охотника освободить узника не увенчиваются успехом, помочь ему сможет только надочажная цепь, которую он должен принести из своего дома, не говоря ни слова и не оглядываясь назад. Мальчик-охотник исполняет просьбу Амрана, снимает цепь, висевшую над очагом, и спешит к пещере. В погоню за ним устремляются родные и вся деревня, крича: «Что за сумасшедший! Куда несет он цепь?» Ужас родных понятен, поскольку любое посягательство на надочажную цепь для осетин не только преступно, но и греховно. Автор монографии «Даредзановские сказания у осетин» Д.А. Калоева пишет: «В осетинском... доме надочажная цепь спускалась с отверстия потолка-ердо и была священна и неприкосновенна. Украсть надочажную цепь из хадзара, где постоянно поддерживался неугасимый огонь, считалось для семьи и всего рода большим оскорблением» [10, 87]. Цепь, спускавшаяся с потолка, символизировала соединение земли и неба. Акцент на сакральности домашней цепи сделан лишь в осетинских вариантах преданий о прикованных героях. Амран просит доставить ему именно такую цепь, лишь она поможет ему освободиться. Нельзя не обратить внимания еще на один «бродячий» мотив, встретившийся в нескольких национальных преданиях об Амране – Амране – мотив запрета на оглядывания назад, вошедший в мифологию под названием «мотива Лотовой жены» или «мотива Орфея». Богу не было угодно освобождение Амрана, охотник оглянулся на крики родных, и тут же захлопнулась дверь пещеры, а прикован-

ный герой навсегда остался в ней. В рассматриваемой работе Вс.Ф. Миллер приводит еще одно предание об осетинском прикованном герое, изложенное Н. Дункель-Веллингом и опубликованное в газете «Кавказ» в 1859 г. [11, 1–6]. Автор пишет, что легенда эта была записана им в Грузии, но она бытует и у осетин Мамисонского ущелья. По существу, вариант предания мало отличается от самого распространенного, однако в нем явно ощущается влияние греческого Прометея, а также грузинского романа XII в. «Амиран Дареджаниани», где все персонажи прекрасны внешне, а тема золота, серебра, драгоценных камней, которыми разукрашены одежда и оружие героев, является сквозной и константной [12]. Герой легенды, записанной Н. Дункель-Веллингом и приведенной Вс.Ф. Миллером, – молодой человек с прекрасными голубыми глазами и золотыми кудрями, рассыпавшимися по широким плечам, с которых свисают остатки пурпурной мантии, расшитой золотыми узорами. Пастух Бессо, попавший в пещеру, где к скале прикован осетинский Прометей, увидел, «что весь пол в пещере был усыпан монетами, золотыми и серебряными слитками, оружием и драгоценными вещами» [9, 827]. Вс. Миллер с насмешкой воспринял не только весь мишурный антураж, придавший легенде «сильную фельетонную окраску», но и возвышенно-мелодраматический стиль монологов несчастного узника. Вс. Миллер справедливо утверждает, что «ничего подобного не слышал автор от осетин и ничего подобного нет в других кавказских преданиях того же рода». Интересным он считает вариант попыток пастуха спасти прикованного страдальца. Здесь нет надочажной цепи, Бессо собирает старое железо, чтобы выковать из него цепь, которая поможет избавить героя от страданий. Пастух выполняет просьбу, однако ему не удается спасти узника. Не дойдя до пещеры, Бессо видит, «как вдруг скала с отверстием грота пошатнулась и провалилась в бездну» [9, 827]. В легенде не сообщается причина неудавшегося освобождения героя. Возможно, виновны в этом односельчане Бессо, подозревавшие, что он нашел клад, следящие за ним, тайно сопровождая его до пещеры. Особенностью предания, представленного Н. Дункель-Веллингом, является нехарактерное для других вариантов подробное описание великолепной кавказской природы и молодого пастуха, встретившего в горах прикованного прекрасного юношу, которого он пытается освободить. Вслед за осетинскими преданиями, повествующими о прикованных к скале героях, Вс.Ф. Миллер обращается к грузинским, записанным в разных регионах Грузии. Он пишет: «Подобно осетинам, они называют эльборусского узника Амираном», но были и другие имена: «В нижней Имеретии ... существует общераспространенная легенда о богатыре-узнике Рокапи, прикованном цепями к громадному чугунному столбу. И в грузинских, и в абхазском преданиях Амиран прикован на Эльбрусе по приказанию Бога за жестокость и гордыню. В этих вариантах, как и в армянских, возникает собака,

грызущая или лижущая цепь. Как только цепь истончается, появляются кузнецы, ударяющие молотом по наковальне, и цепь восстанавливается. В одном из грузинских вариантов, как и в осетинском, есть запрет оглянуться назад. Нарушение этого запрета делает невозможным освобождение героя. В абхазском варианте вместо собаки цепь грызет конь. В этой легенде Амиран представлен воспитанником рода Цицибаевых, которым он задает вопрос, растет ли у них папоротник, рождаются ли рыжеволосые люди, есть ли у них виноградные лозы, перекинутые над тропинками. Положительный ответ неприятен прикованному герою, так как люди, проходя под лозами, «должны наклоняться и как бы невольно через это кланяются Богу» [9, 831]. Этот сюжет коррелируется с возгордившимися нартовскими богатырями, не желавшими кланяться Богу и даже ради этого поднимавшими притолоки дверей в своих домах. В армянских сказаниях прикованными героями становятся Артавадз (или Артавазд), сын царя Арташеза, и Шидар, сын Артавазда. О них сообщают в своих работах Моисей Хоренский и Эмин. В них также присутствуют собаки, которые лижут цепи прикованных героев, и кузнецы, восстанавливающие истонченные цепи ударами молотка по наковальне. В заключительной части своей работы о кавказских прикованных героях В.Ф. Миллер приводит пример того, как исторический Артавазд трансформируется в фольклорного персонажа. Историей его таинственной смерти «воспользовалась народная фантазия и переплела события знакомыми мотивами прежних мифических преданий. Артавазд отождествился с персидским Зохаком (у Фирдоуси) или древнеиранским змеем Аджахака, упоминаемым в Авесте» [9, 832]. Проанализировав эти древние источники, В.Ф. Миллер приходит к достаточно парадоксальному выводу о том, что прикованные к скалам великаны превращаются в змеев, а божества, их приковавшие, обнаруживают черты Бога или героя-змееборца. Древнегреческого Прометея он доказательно соотносит с драконом-змеем Тифоном. В осетинских преданиях об Амране нет ни собак, ни кузнецов-молотобойцев, но мотив змеи присутствует и в осетинских Даредзановских преданиях, и в грузинской Амираниане, и в романе «Амиран Дареджаниани». Во всех этих источниках змея проглатывает Амирана-Амрана, но он освобождается, разрезав ножом чрево змеи, при этом или теряя силу, или подвергаясь облысению. Возможно, подобная трансформация противостоящих друг другу персонажей объясняется тем, что Бог (или несколько божеств) и змей-дракон являются антиподами Амирана-Амрана, они как бы выступают на одной стороне. В результате развития мотива происходит контаминация, когда непокорный герой становится змеем, а Бог наказывает уже не некогда любимого Даредзана-полубога, а выступает как змееборец. По версии В.Ф. Миллера, то же самое происходит с Прометеем, близким родственником Зевса, которого он не считал врагом, а, напротив, связывал с ним возможность узнать свое буду-

щее и тем спасти себя. Именно поэтому Вс. Миллер сближает Прометея с Тифоном, которого, как змееборец, уничтожает Зевс. Однако в поздних, записанных на Кавказе, Даредзановских преданиях мотив змеи представлен в трансформированном виде в связи с подвигами главного героя, побеждавшего не только злых духов и великанов, но змеев-драконов.

Продолжая тему прикованного героя в исследованиях Вс.Ф. Миллера, нельзя не отметить тех записей Даредзановских преданий, которые встречаем в его «Осетинских этюдах» [13, 69, 145]. Так, в разделе «Сказания о Нартах» на осетинском и русском языках представлены сюжеты, сближающие осетинскую Даредзаниану с Нартовским эпосом: «Амиран, Бадри и Мусырби» и «Предание об Амиране». Кроме того, в разделе «Предания и сказки» находим записанное на русском языке «Сказание о Даредзановых», в котором содержатся замечательные истории нетрадиционного рождения Амирана, его выманивания из воды, сражения с зариагским змеем, переодевания в шкуру морского быка и победы славного героя над летающим драконом Пасконди, а также над Уоюгами и Гумирами.

Продолжая тему прикованных героев в фольклоре и мифологии, нельзя не отметить труд известного фольклориста и этнографа, автора фундаментального исследования «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» Г.Н. Потанина [14]. Одна из глав в книге посвящена Амирану. Автор рассматривает целый ряд грузинских, осетинских, кабардинских, абхазских, армянских вариантов сказаний об этом герое, а также роман «Амиран Дареджаниани». Столь пристальное внимание к известному на Кавказе персонажу связано не столько с желанием исследовать национальные модификации героя и его связь со средневековыми европейскими эпосами, сколько с целью доказать происхождение всех кавказских и закавказских сюжетов исключительно из восточных и русских источников. Бесспорно, что Г.Н. Потанин – выдающийся знаток мирового фольклора, особенно северного и восточного, однако представляется сомнительным сведение всех кавказских фольклорных и литературных вариантов о прикованном герое к ордынским, бурятским, алтайским, тибетским, киргизским, уйгурским и русским сюжетам как к источникам заимствования. При этом как бы в стороне остается теория заимствования фольклорных мотивов и так называемых «бродячих» сюжетов, о которых так много написано и в XIX, и в XX вв. При всем уважении к колоссальным усилиям, приложенным к сбору и систематизации фольклорного материала, позволим выразить сомнение в том, что творческое воображение кавказских народов, создавших такие эпосы, как Нартовский (с учетом всех национальных вариантов), «Давид Сасунский», «Амираниани» и др., поставило в один ряд с Батразом, Сосланом, Урузмагом, Шатаной чуждого им Амрана. В связи с проблемой происхождения эпических произведений и их героев нельзя пройти мимо наи-

более основательной работы, посвященной осетинскому Даредзановскому эпосу, автором которой является известный осетинский ученый Ю.А. Дзиццойты [15]. Во введении к работе автор помещает Даредзановские сказания в контекст эпических памятников народов Кавказа, исследует историю их сбора, публикаций и изучения. В главе, посвященной сюжетам и мотивам об Амيرانе, рассмотрено значительное количество сказаний о рождении, гибели, деяниях и подвигах осетинского эпического героя. Это и самые распространенные, часто приводимые в различных источниках, – нетрадиционного рождения, выманивания из воды, пребывания в черепае великана, взятия крепости великана в шкуре морского быка, пребывания героя в чреве змея. В монографии представлены и менее известные сюжеты. Ю. Дзиццойты подвергает скрупулезному анализу отдельные сюжеты и мотивы Даредзановского эпоса с точки зрения их жанрово-типологических, идейно-эмоциональных, национально-специфических, образных характеристик. Впечатляет огромный научный аппарат, представленный фольклорными, мифологическими, лингвистическими, историческими и этнографическими исследованиями, опора на который способствует убедительности самых смелых выводов. В качестве сопоставительного материала представлены не только кавказские предания о прикованном герое, но и иранские, скифские, скифо-сакские, древнеиндийские, тюркские, библейские и другие источники, рассказывающие об аналогичных персонажах. Конечно, главным предметом сопоставления становятся сюжеты и мотивы Нартовского эпоса. Автор приходит к выводу, основанному на скрупулезном и всестороннем анализе Даредзановского эпоса, что «есть все основания полагать, что ядро Даредзановских сказаний – это один из вариантов скифо-сарматского эпоса, испытавшего значительное влияние «Амираниани». А «Амираниани», в свою очередь, представляет собой огрузинившуюся версию того же скифо-сарматского эпоса, другая линия развития которого привела к созданию Нартовского эпоса» [15, 30].

Одно из главных событий в истории переводов и издания Амيرانовских преданий – выход в свет осетинского Даредзановского эпоса «Амран», переведенный, обработанный и снабженный комментариями известным просветителем Дзахо Гатуевым [16]. Предисловие к этому изданию написали выдающиеся лингвисты Н.Я. Марр и В.И. Абаев. В своем предисловии Н. Марр пишет о необходимости изучения не только западных эпосов, но и эпосов небольших народов нашей страны, в частности, овского, т.е. осетинского «Амрана», который, по мнению ученого, «представляет значительный интерес и для сравнительного изучения». Кроме того, считает ученый, особое внимание требует и исследование осетинского языка. Он утверждает, что «русский перевод Дзахо Гатуева, весьма искусно и добросовестно справившегося со своей литературной задачей,

дает все, что при существующих условиях можно требовать от переводчика с овсского языка» [16, 12].

В предисловии В.А. Абаева находим перечень основных источников Амрана или Амираана: грузинская повесть Амиран Дареджаниани, «Шах-наме» Фирдоуси, северокавказский «Нартовский» эпос и миф о богоборце Прометее. С фактом близости сказаний об Амране с Нартовскими нельзя не согласиться, это подтверждает множество общих мотивов и сюжетов. Вот лишь некоторые: божественное происхождение героев, нетрадиционное рождение, связь с водной стихией, выманивание из воды, воспитание героев вне дома, их закаливание, добывание невесты, кровная месть, борьба с великанами и чудовищами и др. Центральный мотив, наиболее тесно связывающий Амрана с Нартами, – мотив богоборчества: «возгордившемуся герою бог доказывает свою силу, устроив ему испытание... Т.к. умереть Амрану не суждено, бог обрекает его на вечные муки: приковывает к скале огромными цепями, и никто не может ему помочь» [17, 217]. Признавая достоинства многих преданий, В.И. Абаев тем не менее считает, что он не является национальным эпосом. «При всем том Даредзановские сказания не лишены интереса с точки зрения познания той общественной среды, в которой они оформлялись как «осетинские» [16, 15]. Отказывая Даредзановским сказаниям быть причисленным к национальному эпосу, В.И. Абаев все же признает, что перевод Дз. Гатуева «Амрана» весьма интересен для исследования как пример оформления в одной среде идеологических продуктов другой. Кроме того, «одна из важнейших задач – изучение поэтики эпоса, совокупности художественных средств, композиции, стилистических приемов, ритмики и метрики, музыкальной стороны эпоса, форм исполнения» [18, 140].

Сам Дз. Гатуев утверждал, что его главной целью в работе над «Амраном» было «соответствовать текстом перевода суровому величию и сжатости подлинника, созданного в суровом и сжатом быту осетинского народа» [16, 17]. И ему это вполне удалось. Главное отличие преданий, подготовленных Гатуевым, их стихотворная форма – белый стих придает повествованию и эпический размах, и лирическую задушевность. В них ощущается музыкальное начало. В старину Нартовские и Даредзановские сказания могли не только рассказываться, но и пелась. На это указывает Коста Хетагуров в этнографическом очерке «Особа»: «Тяжело больного знакомые и родственники не оставляют ни днем, ни ночью... Чтобы отвлечь больного от мысли о болезни, они... рассказывают сказки, играют на осетинском фандыре – небольшой двенадцатиструнной арфе, и под аккомпанемент распевают легенды о нартах, даредзанах и других мифических героях» [19, 362]. Сказания, переведенные и обработанные Дз. Гатуевым, отличаются краткостью, сжатостью, при этом они динамичны, сюжетно насыщены. Некоторые из них нередко вмещают несколько мотивов – так, в предании

«Как Амран победил Пакондзи» находим мотив победы героя над великаном, зооморфного переодевания в шкуру животного, рассказывания снов для оттягивания расправы (мотив «1000 и 1 ночи»), растягивающегося и сжимающегося куска кожи (мотив «Шагреновой кожи»).

В издании Дз. Гатуева приведены 27 преданий об Амране – как общеизвестных, так и редко публикуемых.

Амран – самый сильный и отважный герой, но о его силе сообщается всегда немногословно, как и полагается о герое, чья основная черта – воинственность: «По силе никто, нигде не сравнялся с Амраном» [15, 83] или «Сильнейший из сильных, на суше живущих» [15, 89]. Подобные краткие напоминания о необыкновенной силе Амрана рефреном повторяются во многих преданиях. Эти информативные повторы характерны для фольклорных произведений. Так же многократно повторяются сообщения о том, что все Даредзановы и сам Амран любимы Богом, который выполняет все просьбы героя. Амрану сопутствует успех, если на нем «есть дыхание Хцау». Он часто обращается к Богу, и его просьбы всегда исполняются. И лишь когда возгордившийся Амран вызывает на бой самого Бога, ему не помогает ни его воинственность, ни богатырская сила, ни смекалка и везение. Предания о прикованном Амране, как правило, лапидарны, в них не всегда указаны причины его наказания, но иногда они приводятся. Так, в работе Х.Ф. Цгоева приведен сюжет о том, как Амран «осмелился помериться силами с Богом», хотя был предупрежден: «Амран, от единоборства со мной ты ничего не выиграешь», но это не охладило воинственного пыла богатыря [20, 32]. Однако ему не удалось даже сдвинуть с места брошенную Богом на землю плеть. Именно тогда разгневанный Бог решает наказать своего любимца. Прикованный к скале в пещере, он жалок и беспомощен, несмотря на богатырское сложение. Во многих преданиях кавказских народов освобождение прикованного героя грозит уничтожением мира, поэтому в них присутствуют кузнецы, ударами молотов препятствующие попыткам освобождения прикованного героя. В осетинской Амираниане люди пытаются помочь страдальцу, но отсутствие «дыхания Хцау» делают их попытки тщетными. Он остается в пещере, прикованный цепями навеки. Если греческий Прометей наказан Зевсом за похищенный огонь, то Амран – за гордыню и посягательство на самого Бога. При этом Амран любим людьми, народная фантазия в этом полубоге находила своего защитника и мстителя за нанесенные обиды. Амрана объединяет с Прометеем мотив богоборчества, но он не даритель света. Тем не менее отголосок этой темы находим в предании «Как Амран хотел взять в жены вдову великанов». Амран с братьями не могут отыскать воду в темноте:

*«Амран
сказал тогда братьям:
«Пойдем и посмотрим». –*

«Пойдем, но темно
И что мы увидим!» –
«Идемте, и свет я вам сделаю».
Когда
К реке подошли,
Амран
Ладони потер –
При свете
Увидели братья
И горы, и впадины» [15, 46].

В этом отрывке очевиден факт светозарности Амрана, который, хоть и отдаленно, свидетельствует о существовании некогда мотива дарения героем огня людям.

Таким образом, анализ мотива прикованного героя в осетинских Даредзановских сказаниях позволяет сделать вывод о корреляции осетинского Амрана с древнегреческим Прометеем, а также с аналогичными героями кавказской мифологии и фольклора. У них много общего, но немало и отличий. Главное, что отличает прикованного осетинского героя от других, – его близость к людям, несмотря на божественное происхождение, стремление помочь обиженным, страдающим, нуждающимся в помощи. Его освобождение не грозит уничтожением миру, как это представлено в кавказских эпосах, напротив, он обещает сделать людей свободными и счастливыми. Именно поэтому люди, хотя и безуспешно, помогают ему избавиться от цепей. Все эти качества ставят Амрана в один ряд с лучшими Нартовскими героями.

-
1. Литературный энциклопедический словарь. М.: Наука, 1987. 752 с.
 2. Мифы народов мира. В 2-х т. М.: Наука, 1991. Т.1. 671 с.
 3. Салагаева З.М. Мифология и фольклор // Поэтика жанра. Орджоникидзе: Ир, 1980. С. 94–110.
 4. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Нева, 2000. 304 с.
 5. Нусинов И.М. Вековые образы. М.: Советская литература, 1937. 352 с.
 6. Эсхил. Трагедии. М.: Наука, 1978. 368 с.
 7. Лосев А.Ф. Прометей // Мифы народов мира. В 2-х т. М.: Советская Энциклопедия, 1992. Т.2. С. 337–340.
 8. Мештерхази Л. Загадка Прометея. Кишинев, 1985. 543 с.
 9. Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты и исследования. М.: Наука, 2008. 998 с.
 10. Калоева Д.А. Даредзановские сказания у осетин. Цхинвали: Ир, 1975. 93 с.

11. Дункель-Веллинг Н. Осетинская легенда о Прометее // Кавказ. 1859. № 20. С. 1–6.
12. Хонели М. Амиран Дареджаниани. Тбилиси, 1965. 208 с.
13. Миллер Вс.Ф. Осетинские этюды. М.: Наука, 1981. 713 с.
14. Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. 893 с.
15. Дзиццойты Ю.А. Сказания о Даредзанах – эпос осетинского народа // Осетинский эпос Амран. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2020. С. 119–235.
16. Амран. Осетинский эпос. М.–Л., 1932. 163 с.
17. Тменова З.Г. Место осетинского Даредзановского эпоса в кавказской традиции // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Владикавказ, 1993. С. 207–219.
18. Абаев В.И. Избранные труды. В 2-х т. Владикавказ: Ир, 1990. Т.1. Религия. Фольклор. Литература. 640 с.
19. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений. В 5 т. Владикавказ: Ир, 2000. Т.4. 505 с.
20. Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ: Ир, 2017. 753 с.

Abisalova, Raisa N. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); raisa-abisalova@yandex.ru

FROM PROMETHEUS TO AMRAN: ON THE CHAINED HERO IN THE OSSETIAN EPIC.

Keywords: Amran-Amiran, mythology, epic, motive, plot, legend, Daredzan epic, Nartov epic, chained hero.

The article deals with one of the motives of the Ossetian Daredzanian epic – the motive of the chained hero, which in ancient times entered the mythology, folklore, literature of many peoples and was called the «Prometheus motive». The image of Prometheus belongs to the «eternal images» of world art culture. The history of the chaining and liberation of Prometheus, both in ancient Greek mythology and in the tragedy of Aeschylus, is positioned as toponymically tied to the Caucasus. It was here that the plot about the God-punished and chained hero became widespread in national myths and epic legends – Georgian, Ossetian, Kabardian, Abkhaz, Vainakh, Armenian, etc. These laconic legends about Amiran-Amran, according to Vs.F. Miller, are culminating in all the sources telling about this hero. Both the ancient Greek Prometheus and the Caucasian, primarily Ossetian, chained heroes presented in the works of Vs.F. Miller, G.N. Potanin, Dz. Gatuev, D.A. Kaloeva, Z.G. Tменова, Yu.A. Dzizzoity, Kh.F. Tsgoev and others. The image of Amiran is compared with the corresponding heroes of the Caucasian epics. With all the similarity of the motives of fighting against God and the punishment of the

hero by being chained to a rock or a pillar, one cannot fail to note the difference between the Ossetian Amiran and the others. In Daredzan's legends, he is a heroic person, a true hero who performs many feats, conquers giants, and helps all those in need. The son of the niece of God, the hero is close to the people, he defeats enemies not only for the sake of demonstrating strength, dexterity, cunning, but also to save family and friends. Unlike most of the Caucasian chained heroes, the release of Amiran does not portend the death of the world, on the contrary, the Ossetian Amiran, if liberated, will give people freedom and happiness. Many motives in the legends about Amiran correlate with the motives of the Nartov epic. Amiran-Amran is equated with the favorite heroes of the Ossetian Nartiada - Soslan, Batraz, Uruzmag, Shatana. In the work, his image is considered to confirm the objective regularity of such a representation of the Ossetian hero.

REFERENCES

1. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Nauka, 1987. 752 p.
2. *Mify narodov mira. V 2-kh t.* [Myths of the peoples of the world. In 2 vols]. Moscow, Nauka, 1991, vol. 1. 671 p.
3. Salagaeva, Z.M. *Mifologiya i fol'klor* [Mythology and folklore]. *Poetika zhanra* [Poetics of the genre]. Ordzhonikidze, Ir, 1980, pp. 94–110.
4. Bakhtin, M.M. *Epos i roman* [Epic and novel]. St. Petersburg, Neva, 2000. 304 p.
5. Nusinov, I.M. *Vekovye obrazy* [Age-old images]. Moscow, Sovetskaya literature, 1937. 352 p.
6. Eskhil. *Tragedii* [Tragedies]. Moscow, Nauka, 1978. 368 p.
7. Losev, A.F. *Prometei* [Prometheus]. *Mify narodov mira. V 2-kh t.* [Myths of the peoples of the world. In 2 vols]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1992, vol. 2, pp. 337–340.
8. Meshterkhazi, L. *Zagadka Prometeya* [The riddle of Prometheus]. Kishinev, 1985. 543 p.
9. Miller, Vs.F. *Fol'klor narodov Severnogo Kavkaza. Teksty i issledovaniya* [Folklore of the peoples of the North Caucasus. Texts and Research]. Moscow, Nauka, 2008. 998 p.
10. Kaloeva, D.A. *Daredzanovskie skazaniya u osetin* [Daredzian legends among the Ossetians]. Tskhinvali, Ir, 1975. 93 p.
11. Dunkel'-Velling, N. *Osetinskaya legenda o Prometee* [Ossetian legend about Prometheus]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1859, no. 20, pp. 1–6.
12. Khoneli, M. *Amiran Daredzhaniani* [Amiran Darejaniani]. Tbilisi, 1965. 208 p.
13. Miller, Vs.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Moscow, Nauka, 1981. 713 p.
14. Potanin, G.N. *Vostochnye motivy v srednevekovom evropeiskom epose* [Oriental motives in the medieval European epic]. Moscow, 1899. 893 p.

15. Dzitstsoity, Yu.A. *Skazaniya o Daredzanakh – epos osetinskogo naroda* [Legends about Daredzans – the epic of the Ossetian people]. *Osetinskii epos Amran* [Ossetian epic Amran]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 2020, pp. 119–235.

16. *Amran. Osetinskii epos* [Amran. Ossetian epic]. Moscow–Leningrad, 1932. 163 p.

17. Tmenova, Z.G. *Mesto osetinskogo Daredzanovskogo eposa v kavkazskoi traditsii* [The place of the Ossetian Daredzan epic in the Caucasian tradition]. *Voprosy osetinskoi literatury i fol'klora* [Issues of Ossetian literature and folklore]. Vladikavkaz, 1993, pp. 207–219.

18. Abaev, V.I. *Izbrannye trudy. V 2-kh t.* [Selected works. In 2 vols]. *T.I. Religiya. Fol'klor. Literatura* [Vol. I Religion. Folklore. Literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990. 640 p.

19. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii. V 5 t.* [Full composition of writings. In 5 vols]. Vladikavkaz, 2000, vol. 4. 505 p.

20. Tsgoev, Kh.F. *Slovar' osetinskoi mifologii i uklada zhizni* [Dictionary of Ossetian mythology and way of life]. Vladikavkaz, Ir, 2017. 753 p.